

Говард Филлипс
ЛАВКРАФТ

Иные боги

Санкт-Петербург

КОШКИ УЛТАРА

Говорят, в городке Ултаре, что за рекой Скай, никому не дозволено убивать кошек, и я не могу не одобрить этот запрет, глядя на кота, уютно мурлычущего на коврик перед камином. Ибо этим скрытным и загадочным существам ведомо многое из того, что недоступно человеческому знанию. Кошки олицетворяют дух Древнего Египта и хранят предания давно исчезнувших городов Мероэ и Офира. Они состоят в близком родстве с владыками джунглей и хранят зловещие тайны древней Африки. Сфинкс приходится им кузенком; они говорят на одном языке, но кошачье племя гораздо старше Сфинкса и сохранило в памяти многое из того, о чем он даже не имеет понятия.

В прежние времена, еще до запрета убивать кошек, в Ултаре жил один старик с женой, и эта парочка находила особое удовольствие в том, чтобы ловить и убивать соседских кошек. Почему они так поступали, доподлинно неизвестно; быть может, им по ночам досаждали кошачьи концерты или же они не выносили вида кошек, в сумерках шныряющих по окрестным дворам и садам. Как бы то ни было, старик и старуха явно испытывали наслаждение, расправляясь с очередной кошкой, имевшей несчастье оказаться вблизи их лачуги, и, судя по звукам, ночами доносившимся оттуда, способы умерщвления были изошренно жестокими. Однако никто из жителей городка ни разу не попробовал разобраться по-свойски со стариком и его женой — отчасти по причине на редкость злобного выражения, никогда не сходявшего со

сморщенных старческих физиономий, а отчасти потому, что лачуга стариков находилась в не самом приятном для визитов месте: под угрюмой сенью древних дубов в глубине запущенного донельзя двора. Сказать по правде, как бы сильно хозяева кошек ни ненавидели этих двоих, еще сильнее они их боялись. Вот почему вместо того, чтобы хорошенько проучить жестоких убийц, они лишь старались не подпускать своих любимцев к их мрачному жилищу. Если же по недосмотру кошка пропадала, а после того из тьмы доносились душераздирающие вопли, владельцы несчастного животного отводили душу в стенаниях и бессильных проклятиях, благодаря судьбу хотя бы за то, что подобная участь не постигла их ребенка. Ибо жители Ултара, люди простодушные и недалекие, ничего не знали о древнем и благородном происхождении кошек.

И вот однажды караван необычных пришельцев с далекого юга появился на узких булыжных мостовых Ултара. Эти смуглолицые люди сильно отличались от прочих кочевников, дважды в год проходивших через Ултар. На рыночной площади они предсказывали судьбу за серебряные монетки и охотно покупали у торговцев яркие бусы. Никто не знал, где находилась родина этих людей, но все дивились их странным молитвам и причудливо размалеванным фургонам: там были изображены существа с человеческими телами и головами кошек, ястребов, баранов или львов. А их вождь щеголял в головном уборе с парой рогов, меж которых помещался какой-то диковинный диск.

Среди пришельцев был маленький мальчик, оставшийся без отца и матери, с одним только черным котенком, который был его единственным утешением после того, как безжалостная чума унесла его родителей. А когда ты еще так юн и уже так несчастен, тебе не найти лучшей отрады, чем пушистый шаловливый котенок. Так что мальчик, которого соплеменники именовали Менесом, чаще улыбался, чем плакал, играя с котенком на подножке разрисованного фургона.

Но на третье утро после прибытия каравана в Ултар мальчик нигде не смог найти своего котенка. Когда он горько рыдал на рыночной площади, кто-то из местных рассказал ему о старике и его жене, а также о звуках, доносившихся прошлой ночью со стороны их жилища. Выслушав все это, мальчик перестал рыдать и задумался, а чуть погодя начал молиться. Он простирал руки к солнцу и читал молитвы на языке, непонятном никому из горожан; последние, впрочем, и не слишком старались понять, поскольку их внимание было поглощено происходящим в небе, где облака удивительным образом меняли очертания. А когда мальчик произнес заключительные слова молитвы, все увидели вверху облачные фигуры странных существ — людей со звериными или птичьими головами, увенчанных рогами с диском посередине. Что и говорить, природа щедра на чудеса, способные потрясти того, кто не обделен хотя бы толикой воображения.

Той же ночью караван покинул Ултар и больше никогда там не появлялся. А вскоре жители городка переполошились, не находя нигде своих кошек. Ни в одном доме не было слышно привычного мурлыканья, исчезли все кошки до единой: большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые. Старый Кренон, здешний бургомистр, был уверен, что кошек похитили смуглые чужаки в отместку за убийство котенка Менеса, и без устали посылал проклятия вдогонку каравану, и мальчишке в особенности. А тощий нотариус Нит заявил, что в этом преступлении, скорее всего, повинны мерзкий старик и его жена, чья ненависть к кошкам ни для кого не являлась секретом, а безнаказанность делала их все более дерзкими. Но и на сей раз никто не решился открыто выступить с обвинением зловещей четы даже после того, как Атал, юный сын трактирщика, сообщил, что накануне в сумерках своими глазами видел в том проклятом дворе всех кошек Ултара, медленно и сосредоточенно шествующих вокруг лачуги, по две в ряд, словно они совершали какой-то доселе неведомый звериный ритуал. Горожане сомневались, стоит ли верить словам

такого юнца; и хотя многие склонялись к мысли, что двое извергов действительно умертвили кошек с помощью неких злых чар, связываться со стариком они не хотели — во всяком случае до тех пор, пока он не встретится им за пределами своего пугающе темного двора.

Наконец город погрузился в сон, измученный горем и бессильной яростью, а когда на рассвете люди проснулись... только представьте! — все кошки Ултара как ни в чем не бывало грелись на своих привычных местах у очагов! Все до единой: большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые. С виду гладкие и упитанные, они громко и довольно мурлыкали. Горожане обсуждали это событие, немало изумляясь и недоумевая. Старый Кренон знай гнул свое, обвиняя в похищении смуглокожих пришельцев, потому как еще ни одна кошка не возвращалась живой из дома стариков. При этом единодушное изумление у всех вызывало одно обстоятельство: кошки дружно воротили носы от предложенных им обычных порций мяса и молока. И еще два дня после того кошки Ултара не прикасались к еде, а лишь дремали у теплой печки или на солнышке.

Только по прошествии недели горожане обратили внимание на то, что по вечерам в окнах лачуги под старыми дубами не загорается свет. Тут и тощий Нит вспомнил, что никто не видел старика и его жену с той самой ночи, когда из домов уходили кошки. Прошла еще неделя, прежде чем бургомистр собрался с духом и по долгу службы нанес визит в темный и безмолвный дом, предусмотрительно захватив с собой в качестве понятых кузнеца Шанга и камнереза Тула. Не дождавшись ответа на стук и без труда выломав хлипкую дверь, они обнаружили два дочиста обглоданных человеческих скелета на земляном полу да еще каких-то отвратительных жуков, кишмя кишевших по темным углам.

Тут среди горожан пошли толки и пересуды. Дотошный следователь Зат долго совещался с нотариусом Нитом и буквально завалил вопросами Кренона, Шанга и Тула. Даже малыш Атал, сын трактирщика, был вызван

для допроса как свидетель и получил в награду леденец. Много всего было сказано о старике и старухе, о караване смуглых странников, о мальчике Менесе и его черном котенке, о молитве Менеса и сопровождавших ее небесных явлениях, о странном поведении кошек в ночь отбытия каравана и о том, что было найдено в лачуге под сумрачной сенью деревьев в глубине заросшего двора.

А по окончании всех дискуссий городской совет принял достопамятный закон, о котором и поныне судачат торговцы в Хатеге и путешественники в Нире, — закон, согласно которому в Ултаре никому не дозволено убивать кошек.

ХРАМ

(Рукопись, найденная на побережье Юкатана)

20 августа 1917 года я, Карл Генрих, граф фон Альтберг-Эренштайн, капитан-лейтенант военно-морского флота Германской империи, командир субмарины U-29, помещаю эти записи в запечатанную бутылку с тем, чтобы доверить их водам Атлантики в точке, мне доподлинно неизвестной, но расположенной приблизительно на 20-м градусе северной широты и 35-м градусе западной долготы, где лежит на океанском дне мой потерявший управление корабль. Я делаю это с целью довести до общего сведения ряд весьма неординарных фактов, которые едва ли когда-нибудь смогут быть предъявлены мною лично, учитывая безнадежность моего настоящего положения, — здесь я имею в виду не только саму катастрофу U-29, столь же загадочную, сколь и непоправимую, но и — что еще хуже — все более очевидные признаки ослабления моей железной германской воли и силы духа.

18 июня, после полудня, как я тогда же и передал по радио на U-61, находившуюся неподалеку от нас и державшую курс на базу в Киле, мы торпедировали британское грузовое судно «Виктория», шедшее из Нью-Йорка в Ливерпуль. Это произошло на 45 градусах 16 минутах северной широты и 28 градусах 34 минутах западной долготы. Мы позволили экипажу перебраться в спасательные шлюпки и засняли гибель корабля на киноленту для последующей демонстрации этих кадров в Имперском Адмиралтействе. Судно тонуло, можно сказать, живописно, зарываясь носом в волны и все выше задирая

корму; наконец его корпус встал вертикально и спустя несколько мгновений исчез под водой. Наша кинокамера не упустила ни малейшей детали; остается лишь сожалеть, что такой превосходный документальный материал никогда уже не попадет в Берлин. Завершив съемку, мы расстреляли из пулеметов спасательные шлюпки, и я скомандовал погружение.

Когда перед заходом солнца мы снова всплыли на поверхность, первое, что попало нам на глаза, было тело матроса, мертвой хваткой вцепившегося в ограждение палубы нашей лодки. Несчастный молодой человек (судя по внешности, это был грек или итальянец, темноволосый, с правильными, на редкость красивыми чертами лица), несомненно, принадлежал к экипажу «Виктории». Он, похоже, пытался найти спасение на борту того самого корабля, который волею судьбы стал виновником гибели его собственного судна — еще одна жертва несправедливой и агрессивной войны, развязанной подлыми собаками-англичанами против нашего славного Отечества. Обыскав труп, мои люди обнаружили в кармане его куртки весьма необычный предмет — искусно вырезанную из слоновой кости голову юноши с покрывавшим ее лавровым венком. Лейтенант Кленц, мой помощник и заместитель, изъял эту скульптуру у матросов и, полагая, что имеет дело с произведением огромной исторической и художественной ценности, сохранил ее у себя. Для нас обоих осталось загадкой, каким образом подобная вещь могла попасть в руки простого моряка.

После обыска мертвец был выброшен за борт; при этом произошли два события, вызвавшие сильное волнение среди членов экипажа. Глаза трупа сперва были закрыты, но, когда его с большим трудом оторвали от поручня и потащили к краю палубы, они внезапно широко раскрылись; многие потом всерьез утверждали, будто взгляд этот был осмысленным. По их словам, мертвец внимательно и несколько даже насмешливо наблюдал за склонившимися над ним в тот момент Шмидтом и Циммером. Боцман Мюллер, человек хотя и достаточно по-

жилой, но отнюдь не умудренный жизнью — что вы хотите от этой суеверной эльзасской свиньи! — был настолько впечатлен странным поведением трупа, что продолжал следить за ним, когда тот был уже в воде; он клятвенно уверял, что видел своими глазами, как мертвец, погрузившись на небольшую глубину, расправил скрюченные прежде конечности и, приняв классическую позу пловца, начал стремительно удаляться от лодки в южном направлении. Мы с Кленцем положили конец всем этим проявлениям дремучего крестьянского невежества, сделав самый суровый выговор своим людям, и Мюллеру в первую очередь.

На следующий день обстановка на корабле была неспокойной вследствие внезапного недомогания, случившегося сразу у нескольких членов экипажа. Причиной тому, вероятно, было нервное переутомление, обычное для долгих морских походов, и плохой сон. Они казались рассеянными и какими-то отупевшими; убедившись, что это не симуляция, я временно освободил всех больных от несения вахты. Море порядком штормило, и мы опустились на глубину, где качка была не столь ощутимой и где мы могли переждать непогоду без особых проблем, если, конечно, не считать за проблему невесть откуда взявшееся подводное течение, не обозначенное ни на одной из наших океанографических карт. Стенания больных между тем становились откровенно раздражающими; видя, однако, что это не сказывается на боевом духе команды в целом, мы решили до времени воздержаться от радикальных шагов. Наши ближайшие планы предусматривали продолжение крейсерских операций в этих водах; в качестве главной цели был выбран лайнер «Даккия», упоминавшийся в недавних сообщениях германских агентов из Нью-Йорка.

Когда в конце дня лодка поднялась на поверхность, волнение моря уже почти улеглось. На северном горизонте дымили трубы боевого корабля, не представлявшего, впрочем, серьезной угрозы для нашей всегда готовой к погружению субмарины. Гораздо больше нас встревожили

бредовые речи боцмана Мюллера, который с наступлением темноты сделался совсем невменяемым. Противно было слушать его детский лепет о мертвецах, плавающих в открытом море и якобы заглядывающих в иллюминаторы подлодки; в этих вздувшихся, тронутых разложением трупах он узнавал людей, чью смерть ему приходилось ранее наблюдать в ходе наших победоносных боевых операций. По его утверждению, предводителем этих мертвцов был молодой человек, труп которого мы при известных обстоятельствах обнаружили на палубе субмарины. Дабы впредь избавить себя от выслушивания подобных гнусностей, мы приказали заковать Мюллера в кандалы и хорошенько вразумить плетьюми. Эта воспитательная процедура вряд ли пришлась по душе рядовому составу команды, но — дисциплина прежде всего. Мы с лейтенантом Кленцем отклонили также обращение делегации матросов во главе с Циммером, просивших нас выбросить в море загадочное скульптурное изображение.

20 июня заболевшие накануне матросы Боум и Шмидт перешли из состояния прострации в состояние буйного помешательства. Я всерьез пожалел о том, что подводный флот Германии не комплектуется дополнительно офицерами-психиатрами, — как-никак речь идет о немецких жизнях, каждая из которых драгоценна; однако постоянные вопли и причитания этой парочки насчет какого-то нависшего над всеми нами ужасного проклятья начали пагубно отражаться на дисциплине остальных, что вынудило нас прибегнуть к мерам исключительного характера. Экипаж воспринял происшедшее в угрюмом молчании, тогда как на боцмана Мюллера это подействовало умиротворяюще и в дальнейшем он уже не доставлял нам хлопот. Будучи освобожден от оков вечером того же дня, он без лишнего слов приступил к исполнению своих обязанностей.

На протяжении всей следующей недели мы были очень взвинчены, каждую минуту ожидая появления «Даккии». Напряженное состояние усугублялось исчезновением Мюллера и Циммера, без сомнения покончивших

с собой на почве преследовавших их навязчивых страхов; этот факт, впрочем, нельзя считать доказанным, поскольку никто не видел, как самоубийцы бросались за борт. Я, в сущности, был рад отделаться от Мюллера, который даже своим молчанием действовал на экипаж угнетающе. Люди теперь стали более замкнуты; чувствовалось, что они втайне чего-то боятся. Многие были нездоровы, но никто больше не устраивал истерик. Общая атмосфера повлияла и на лейтенанта Кленца, которого начали раздражать самые пустяковые вещи — такие, например, как игры дельфинов, целыми стаями собиравшихся вокруг U-29, или возрастающая интенсивность южного течения, не показанного на наших картах.

В конечном счете стало ясно, что «Дакию» мы упустили. Подобные неудачи не являются чем-то из ряда вон выходящим, и мы испытывали скорее облегчение, нежели досаду, ибо теперь на очереди стояло возвращение в Вильгельмсхафен. В полдень 28 июня мы повернули на северо-восток и после нескольких весьма курьезных стычек с необычно большими скоплениями дельфинов дали машинам полный ход.

Взрыв в двигательном отсеке в два часа ночи явился для нас полной неожиданностью. Без всякой видимой причины — ибо я при всем желании не могу сослаться на какие-либо неполадки в машинах или на небрежность персонала — корабль вдруг из конца в конец содрогнулся от удара страшной силы. Лейтенант Кленц поспешил в двигательный отсек, где обнаружил пробитый топливный бак и развороченную взрывом главную установку, а также тела погибших механиков Раабе и Шнайдера. Наше положение таким образом резко ухудшилось, лодка была обездвижена и лишена управления; правда, остались неповрежденными химические регенераторы воздуха и устройства, обеспечивающие всплытие и погружение корабля и работу шлюзовых камер, но и здесь все зависело лишь от того, надолго ли хватит запасов сжатого воздуха и энергии аккумуляторных батарей. Попытка воспользоваться спасательными лодками неминуемо

привела бы к пленению нас неприятелем, испытывающим необъяснимую злобу и ненависть по отношению к нашей великой германской нации; что же касается радио, то нам со времени потопления «Виктории» ни разу не удавалось выйти на связь с другими субмаринами имперского флота.

С момента аварии и вплоть до 2 июля мы дрейфовали на юг, не встречая по пути никаких судов. Дельфины по-прежнему окружали U-29 плотным кольцом — обстоятельство, достойное удивления, если учесть расстояние, пройденное нами за это время. Утром 2 июля вдали показался боевой корабль под американским флагом, что возбудило в команде сильнейшее желание капитулировать. В результате лейтенанту Кленцу пришлось пристрелить одного из матросов, а именно Траубе, который с особой настойчивостью призывал к совершению этого противного немецкой природе поступка. Все прочие крикуны сразу притихли, и мы успели уйти под воду незамеченными.

На следующей день с юга появилась огромная стая морских птиц. Погода стала быстро ухудшаться, все указывало на приближение бури. Задраив люки, мы ожидали дальнейшего развития событий, пока необходимость погружения не стала очевидной — в противном случае наш неуправляемый корабль рисковал быть опрокинутым чрезвычайно высокими и крутыми волнами. До сих пор мы старались экономить электричество и сжатый воздух, давление которого уже ощутимо упало; но сейчас у нас не было выбора. Мы погрузились на сравнительно небольшую глубину и, едва только шторм начал стихать, решили подняться на поверхность. Тут нас ожидало новое потрясение: полностью отказали все устройства, обеспечивающие всплытие субмарины. Очутившись в подводном плену, люди очень скоро пришли в состояние, близкое к панике; некоторые вновь стали намекать на хранившуюся у лейтенанта Кленца античную скульптуру как на источник всех наших бед. Однако вид автоматического пистолета их несколько успокоил. Бедные

парни — мы все время старались их чем-нибудь занять, заставляя чинить вышедшее из строя оборудование, хотя и сами прекрасно сознавали абсолютную бесполезность этих усилий.

Обычно мы с Кленцем спали по очереди; как раз во время моего сна, около пяти часов утра 4 июля, и произошел открытый мятеж. Шестеро оставшихся в живых ублюдков, полагая отныне свою гибель неизбежной, внезапно пришли в дикую ярость, причиной которой послужило воспоминание о нашем отказе за два дня до того сдаться в плен военному кораблю янки. С животным ревом метались они по кораблю, круша попадавшиися под руку приборы и помяная на разные лады все ту же злосчастную скульптуру и ее мертвого хозяина, так потрясшего их своим многозначительным взглядом и нехарактерной для трупа подвижностью. Лейтенант Кленц оказался не на высоте положения, пребывая в растерянности и бездействии, чего, впрочем, и следовало ожидать от слабовольного и женоподобного уроженца Рейнской провинции. Я пристрелил всех шестерых, как того требовала обстановка, и после еще раз лично удостоверился в смерти каждого.

Мы удалили трупы через шлюзовые камеры и остались на U-29 вдвоем. Кленц очень нервничал и почти все время был пьян. Мы решили держаться как можно дольше, благо в нашем распоряжении были значительные запасы провизии, а химические установки исправно вырабатывали кислород — к счастью, ни одна из них не пострадала от рук этих грязных скотов. Однако все наши компасы, глубиномеры и прочие хрупкие приборы были разбиты, так что в дальнейшем мы могли определять свое местонахождение лишь приблизительно, пользуясь для этого наручными часами и календарем и вычисляя скорость дрейфа путем наблюдений за различными морскими организмами через бортовые иллюминаторы или из боевой рубки. Заряда аккумуляторных батарей вполне хватало для внутреннего освещения корабля, кроме того, мы периодически включали наружный прожектор, но, в

какую бы сторону мы его ни направляли, везде были видны одни и те же дельфины, плывшие параллельным с нами курсом. Эти дельфины заинтересовали меня с чисто научной точки зрения; как известно, обычный *Delphinus delphis* является млекопитающим из семейства китовых и, подобно всем другим млекопитающим, не может жить без воздуха, однако я специально два часа подряд следил за одним из этих пловцов, и за все это время он ни разу не поднимался к поверхности океана.

По прошествии нескольких дней мы с Кленцем пришли к выводу, что, продолжая дрейфовать в южном направлении, субмарина понемногу опускается на глубину. Мы отмечали изменения в окружающей нас подводной флоре и фауне и прочли на эту тему немало книг из моей походной библиотеки. Должен признать, что научная компетентность моего товарища по несчастью оставляла желать много лучшего. В его стиле мышления не было ничего прусского, он при всяком удобном случае давал волю своему нездоровому воображению или же пускался в пространные рассуждения, не представлявшие никакого практического интереса. Приближение смерти пугало его чрезвычайно — нередко я заставлял его за молитвой, в которой он поминал всех мужчин, женщин и детей, в разное время отправленных нами на дно, забывая при этом, что любые действия, совершенные ради блага Германии, являются справедливыми и достойными всяческого одобрения. Постепенно теряя чувство реальности, он мог часами смотреть на скульптурный образ античного юноши и рассказывать фантастические истории о кораблях и людях, бесследно сгинувших в море. Иногда, в порядке психологического эксперимента, я сам уводил его на эту зыбкую почву, дабы развлечься его бесконечными поэтическими цитатами и вольными переложениями старых морских легенд. Мне было искренне жаль его, я вообще не могу оставаться равнодушным, когда вижу страдания немца; но что поделаешь — он был не тем человеком, вместе с которым легко встречать смерть. За себя лично я был спокоен и с гордостью

думал о том, как родное Отчество будет чтить мою память и как моим сыновьям будут ставить в пример их доблестного отца.

9 августа мы обнаружили в непосредственной близости от лодки океанское дно и осветили его лучами прожектора. Местность под нами представляла собой холмистую равнину, большей частью покрытую ковром из морских трав и колониями мелких моллюсков. То здесь, то там из темноты выступали очертания одиноко торчавших морских скал, заросших водорослями и густо облепленных ракушками, но, несмотря на это, чем-то неуловимо схожих между собой. По утверждению Кленца, это были останки погибших кораблей. Гораздо больше его озадачила каменная глыба, поднимавшаяся вертикально над морским дном на высоту примерно четырех футов и имевшая два фута в диаметре; ее боковые стены, очень ровные и гладкие, в верхней части резко сходились, образуя треугольную, правильной формы вершину. Я объяснил происхождение этого феномена обнажением кристаллических горных пород, Кленцу же померещились на поверхности глыбы какие-то странные письмена. Спусти некоторое время его начала бить нервная дрожь, и он отвернулся от иллюминатора с выражением сильнейшего испуга на лице. Причину столь постыдного малодушия я нахожу лишь в его общем угнетенном состоянии, вызванном беспредельностью, мрачностью и таинственностью открывшейся перед нами морской бездны. Такое испытание оказалось сверх его сил; я же, как оно и подобает германскому офицеру, сохранил ясность мыслей и полное хладнокровие, успев между делом отметить два интересных обстоятельства: во-первых, U-29 прекрасно выдерживала глубоководное давление, на которое ее конструкция изначально рассчитана не была; во-вторых, нас по-прежнему сопровождали дельфины, тогда как большинство ученых-натуралистов категорически отрицают возможность существования высших форм жизни на этих глубинах. Хотя теперь я был уверен в том, что в своих первых оценках преувеличил быстроту погружения